

Пролог

Май 1506 года. Остров Хой¹

Книга, рукописная, древняя, с пожелтевшими страницами и выцветшими миниатюрами, все равно была роскошью. Особенно на окраине христианского мира, какой считались затерянные в морях Оркнейские острова. Этим сокровищем владел приходской священник отец Годвин — у него было еще три книги, привезенные сюда, на далекий остров Хой, когда десять лет назад аббат Сент-Эндрюсского аббатства отправил Годвина на этот край света проповедовать Слово Божье. И добрый Годвин преуспел: живя в глухом мирке, где так сильны предрассудки и вера в колдовство, он все же расположил к себе местных жителей. Они приходили по звуку колокола в его часовню, где он совершал церковные таинства, венчал, крестил их детей, но главным своим достижением тем не менее считал то, что местные рыбаки стали позволять ему обучать грамоте своих детей. Правда, учеников у него было совсем немного. Но именно эта девочка — Мойра, дочь Норы Гордячки, — стала его лучшей ученицей.

¹ Остров Хой — один из островов Оркнейского архипелага. Оркнейские острова расположены в 16 километрах от северной оконечности Шотландии, на границе Северного моря и Атлантического океана. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

Сейчас Мойра сидела за выступом маленькой часовни, подле священника, и на прекрасной латыни читала вслух притчи царя Соломона. Некогда пришедшая к отцу Годвину еще ребенком, она за годы обучения постигла все, что он мог предложить — латынь, арифметику, грамматику, — и ей все давалось легко. Отец Годвин старательно обучал Мойру, уповая, что однажды дочь Норы Гордячки сможет стать монахиней в обители Святого Магнуса на острове Мейнленд¹. Это был бы лучший удел для столь одаренной девочки из бедной семьи. Но оказалось, что теперь планы переменялись: Мойра выросла невероятно красивой, и месяц назад ее заметил прибывший на острова вождь клана горцев — воинственный Гектор Рой Маккензи.

По сути сегодняшняя встреча была их прощанием. Священник сожалел, что его ученица вступает не на заботливо уготованную им стезю благочестивой монахини, а станет блудницей, игрушкой возжелавшего ее шотландца. Годвин, будучи духовником девушки, неоднократно пытался отговорить свою любимицу от столь пагубного шага. Но с такой, как Мойра — своенравной, решительной, упорной, — это было непросто. И если она приняла решение...

Сейчас отцу Годвину на какой-то миг показалось, что у него еще есть шанс повлиять на ученицу. Он видел, как она запнулась и замолчала, прочитав в одной из притч: «*Dirige semitam pedibus tuis et omnes viae tuae stabiliuntur*»².

¹ Мейнленд — крупнейший из островов Оркнейского архипелага.

² Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды (*лат.*).

— Тебя смутила эта фраза, дитя мое? Не правда ли, тут есть над чем поразмыслить?

Священник смотрел на Мойру с мягкой улыбкой, но в глазах его была печаль.

— Бесспорно, все мы стремимся улучшить свою жизнь. Но не слишком ли высока плата за мирские радости, если при этом ты погубишь душу? Ты ведь так чиста и невинна. И ты совсем дитя...

Да, в его глазах Мойра еще дитя. Тот же, кто возжелал ее, видел в ней соблазнительную юную женщину, какой он страстно хотел обладать.

Еще год назад Мойра казалась таким чудосочным жеребенком с длинными ногами, острыми коленками и вечно спутанной копной светлых пепельных волос. Но этой зимой она резко похорошела, стала женственной: ее фигура округлилась и приобрела плавные изгибы, гребень стал чаще касаться волос, и они серебрились, ниспадая пышными локонами до середины спины, а осанка... Мойра всегда имела горделивую статью, какую не согнула каждодневная работа, когда она трудилась по дому, копала торф, доила коз или помогала матери возиться с младшими детьми. Она всегда была прелестной и выделялась среди детей островитян. Немудрено, что неотесанные и грубоватые жители острова Хой считали ее подменным — ребенком феи. Фейри, как они называли ее. Но эта фейри была практичной и хотела лучшей доли. Поэтому и уступила так быстро, когда родные согласились отдать ее этому старому, но очень важному и богатому человеку — Гектору Рою Маккензи.

Девушка повернулась к священнику. Они сидели под стеной часовни, укрывшись от дувшего с моря ветра,

и все же седые, коротко стриженные волосы отца Годвина растрепались, а солнечные лучи безжалостно высветили его испещренное морщинами лицо, распухшие от ревматизма суставы, заскорузлую грязь под ногтями, старую обтрепанную сутану.

— А вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь, отче? — несколько резко спросила Мойра. — Вы умный, старательный и богобоязненный человек, а живете в бедности, не рассчитывая на лучшую долю.

— Я вверил себя Богу и не ропщу на судьбу, — кротко ответил священник. — Возможно, в молодости мне и мечталось о чем-то. Но главное, что я имею, вот здесь, — он приложил к груди ладонь и добавил: — Благодаря душевному покою я не испытываю терзаний. Жить со спокойной душой — это так много, дитя мое.

В широко распахнутых серо-голубых глазах Мойры читалось сомнение. Но сам взгляд был далеко не простодушным, скорее изучающим и оценивающим.

— Спокойная душа не накормит, когда нечего есть, и не согреет в холодную ночь. Я это знаю, поэтому вы не переубедите меня, отче. Да и моя матушка предупреждала, что вы снова попытаетесь отговорить меня от союза с вождем шотландцев. Она даже не хотела отпускать меня попрощаться с вами. И все же я пришла. Так что не стоит укорять меня в нашу последнюю встречу.

Отец Годвин промолчал. Отсюда, из-за каменной стены часовни, которая находилась за высоким холмом Уорд Хилл, не был виден океан, омывавший остров. Однако его дыхание ощущалось повсюду — влажное, чуть солоноватое, наполненное прохладой. Привычны были и всегда дующий ветер, и гомон чаек. От громады Уорд Хилла, возвышавшейся над ними, к дому Мойры вела

тропа, которая сегодня, в столь ясный день, была отчетливо видна. Глядя на тропу, отец Годвин подумал, что скоро девушка уйдет по ней, уйдет навсегда, а он не может найти слов, чтобы отговорить ее.

И все же он решился:

— Послушай, дитя, Нора, твоя мать, — странная женщина. Она однажды прибыла на Хой с маленькой дочерью на руках, осталась тут жить, став женой рыбака Эрика. Однако даже спустя столько лет в ней по-прежнему видят чужачку — надменную, необщительную, с презрением относящуюся к местным жителям. К тому же Нора позволила мне обучать тебя, считая, что монашеский удел будет лучшим для ее дочери. Но теперь... После того, как эта гордая женщина просто продала тебя шотландцу Маккензи, я не понимаю ее.

— Не понимаете, потому что ничего не знаете о ней! — неожиданно рассердилась Мойра.

Она резко встала. Личико такое юное... и такое воле-вое, решительное. При этом ангельски красивое — нежная кожа, сочные губы, точеный нос, выразительные, осененные темными ресницами глаза. Удивительно красивое личико фейри. Но фейри с соблазнительной гибкой фигуркой и высокой грудью. Неудивительно, что заезжий вождь клана Маккензи, увидев ее, совсем потерял голову и предложил за нее такую цену.

Годвин так и сказал девушке: они ее продали, как улов сельди в базарный день. Только гораздо дороже.

— Пусть это и так, — бурно дыша, ответила Мойра. — Однако матушка считает, что, отдав меня Маккензи, она избавит меня от участи повторить ее судьбу и познать те беды и лишения, какие выпали на ее долю. Нора говорит, что в обмен на свою молодость и красоту